

THE LITERARY INCARNATION OF THE MYSTICAL

DOI 10.15826/qr.2021.2.593

УДК 821.161.1-312.1+821.111-312(73)+2-58

БОБОК ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО И УБИК ФИЛИПА ДИКА: МИСТИКА ИНОБЫТИЯ*

Ирина Дергачева

Московский государственный институт культуры,
Москва, Россия

FYODOR DOSTOEVSKY'S *BOBOK* AND PHILIP K. DICK'S *UBIK*: THE MYSTIQUE OF OTHERNESS**

Irina Dergacheva

Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russia

This article presents a comparative analysis of non-traditional images of otherness described by F. M. Dostoevsky in his short story *Bobok* (1873) and P. K. Dick in the novel *Ubik* (1969). With an interval of a century, the two works, Russian and American, describe the state of so-called “half-life” granted to people after their death before the final transition of the soul to the transcendent world. This state lasts from six months to two years, an artistic fiction where the writers demonstrate that their characters have lost their national eschatological traditions and their souls are filled with a moral vacuum as a result of the lost opportunity to correct their lives through “mortal memory”. Thus, their lives may be called “lives by inertia”. The article describes the theosophical influence of *Heaven and Hell*, a mystical work by E. Swedenborg, and *The Tibetan Book of the Dead* on the thanatological concepts of the works.

Keywords: F. M. Dostoevsky, P. K. Dick, problems of minor eschatology, *Bobok*, *Ubik*, E. Swedenborg, *The Tibetan Book of the Dead*

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-012-90034 «Достоевский и Италия»).

** Citation: Dergacheva, I. (2021). Fyodor Dostoevsky's *Bobok* and Philip K. Dick's *Ubik*: The Mystique of Otherness. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 2. P. 515–532. DOI 10.15826/qr.2021.2.593.

Цитирование: Dergacheva I. Fyodor Dostoevsky's *Bobok* and Philip K. Dick's *Ubik*: The Mystique of Otherness // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 2. P. 515–532. DOI 10.15826/qr.2021.2.593 / Дергачева И. *Бобок* Федора Достоевского и *Убик* Филипа Дика: мистика инобытия // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 2. С. 515–532. DOI 10.15826/qr.2021.2.593.

Анализируются нетрадиционные образы инобытия, описанные Ф. М. Достоевским в рассказе «Бобок» (1873) и Ф. К. Диком в романе «Убик» (1969). В произведениях, отстоящих во времени почти на век, представлено состояние так называемой «полужизни», дарованной усопшим для осмысления прожитой жизни и раскаяния в грехах до окончательного перехода души в трансцендентный мир. Это состояние, длящееся от шести месяцев до двух лет, является художественным вымыслом писателей, наглядно показавших, что люди перестали следовать национальным эсхатологическим традициям и их души заполнены моральным вакуумом, образованным вследствие утраты «воспоминания смертного», а их жизнь названа «жизнью по инерции». В статье описано теософское влияние мистического произведения Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» и «Тибетской книги мертвых» на танатологические концепции рассматриваемых произведений.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Ф. К. Дик, проблемы малой эсхатологии, «Бобок», «Убик», Э. Сведенборг, «Тибетская книга мертвых»

Проблемы инобытия и загробного существования души являются значимыми во всех культурах от архаической до современной, ибо аксиологические представления о будущем свидетельствуют об уровне морально-этических принципов общества и оказывают влияние на образ жизни до возникновения развитых религиозных систем древности [Дергачева, 2004, с. 7]. С появлением и развитием христианства эсхатологические вопросы трактовались в каноническом тексте последней книги Евангелия, Апокалипсисе Иоанна Богослова и целом ряде апокалиптических источников. Со временем они сложились в эсхатологический комплекс, включающий учение о малой эсхатологии (вопросы, касающиеся индивидуальной посмертной судьбы души, воздаяния праведно прожившим жизнь и наказания грешникам, описание локусов иного мира) и большой эсхатологии (ожидание Страшного суда и апокалиптического преображения земли) [Бедина, с. 23, 24].

В выбранных для сопоставления произведениях, рассказе Достоевского «Бобок» и романе Ф. Дика «Убик», речь идет о проблемах малой эсхатологии, о концепциях инобытийного существования души. Однако их эсхатологическую концепцию нельзя назвать даже апокрифической, ибо в апокрифах подробно и образно истолковывались сакральные тайны иного мира, не описанные детально в догматических источниках [Милюков]. Мистическое изображение особой, не описанной ни в канонических, ни в апокрифических источниках участи души, пребывающей «в полужизни» в инобытии сроком от шести месяцев, в сравниваемых произведениях поражает очевидным замыслом обоих писателей предоставить своим литературным героям последнюю возможность подвести жизненные итоги и задуматься о вечном. Воспользуются ли они этой отсрочкой? Геро-

ям рассказа «Бобок» и романа «Убик» дается срок привести свое сознание в подобающее столь важному этапу состояние, но, увы, у них оно не проясняется до полного ухода в иной мир.

Авторы сознательно дистанцируются от своих героев – Ф. Достоевский прямо пишет во введении, что не он автор сего произведения, а Ф. Дик, следуя своим художественным принципам, исключает в романе голос автора. Герои, по писательскому замыслу, лично демонстрируют читателю бренность своего земного существования.

Б. Н. Тихомиров убедительно доказал, что на концепцию изображения Достоевским инобытия в рассказе «Бобок» повлияло произведение шведского мистика Эммануила Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде», находившееся в домашней библиотеке писателя, и привел детальную библиографию работ российских и зарубежных ученых, посвященную исследованию влияния мистических взглядов Сведенборга на эсхатологию Достоевского [Тихомиров].

В своем труде «О небесах, о мире духов и об аде» Сведенборг выдвинул версию посмертного существования, явленную ему в видении. По Сведенборгу,

Мир духов отличается как от небес, так и от ада. Это место или состояние – среднее между тем и другим: туда человек приходит после смерти своей и, пробыв там известный срок, смотря по жизни своей на земле, или возносится на небеса, или низвергается в ад... В мире духов пребывает несметное число народа, потому что это первое сборное место для всех. Там всякий рассматривается и готовится. Срок пребывания там не определен; иные, только что явившись, тотчас же возносятся на небеса или низвергаются в ад, иные остаются по несколько недель, другие целые годы, но не долее тридцати лет. Различие сроков этих зависит от того, насколько в ком внешнее соответствует или не соответствует внутреннему [Сведенборг, с. 126–127].

Подобное различие в описании посмертной судьбы присутствует в двух средневековых памятниках – синодике с предисловиями и первой части «Жития Василия Нового», «Мытарствах Феодоры», ставших каноническим описанием проблем малой эсхатологии. В синодичных предисловиях говорится о необходимости поминать душу покойного в 3-й, 9-й и 40-й дни, так как она последовательно проходит этапы пребывания в аду, раю и в 40-й день является на поклонение Господу, который отправляет ее в рай или ад в зависимости от прожитой жизни до определения окончательной участи на Страшном суде [Дергачева, 2011, с. 60]. В «Житии Василия Нового» Феодора описывает путь души на небеса и преодоление ею 20 мытарств, на которых надлежало дать ответ злым духам за земные прегрешения. Подобную разницу в посмертной участи, вероятно, следует объяснить оговоркой Феодоры о том, что она умерла без причастия и отпущения грехов, в то время как те, кто сподобились христианской кончины,

мытарства не проходят, видимо, их посмертная судьба подобна той, которая указана в синодичных предисловиях. Подобное указание встречаем у Сведенборга, объяснившего, что сразу на небеса возносятся те, кто приготовились к этому на земле. Грешников ждет иная участь, они после смерти попадают в преисподнюю.

При описании посмертного состояния в мире духов Сведенборг подчеркивает телесность усопшего, что можно наблюдать в дальнейшем в рассказе «Бобок» и в романе «Убик»:

Так как все, что живет и чувствует в человеке, есть дух, и от головы до ног нет в теле ни точки, которая бы не жила и не чувствовала, то по отлучении тела от духа, что называется смертью, человек остается тем же человеком и живет. Я слышал на небесах, что иные, умерши и лежа в гробу, покуда еще не воскресли, продолжают мыслить в охладевшем теле своем в полном убеждении, что они еще живы, но только они не могут уже двинуть ни одной вещественной частицы как принадлежности чисто телесной [Сведенборг, с. 129].

В рассказе «Бобок» мистификация начинается с первой строки: «На этот раз помещаю “Записки одного лица”. Это не я; это совсем другое лицо. Я думаю, более не надо никакого предисловия» [Достоевский, с. 41]. Но далее идет апелляция к истории с портретом, что дает нам право говорить о рассказчике как о человеке, имеющем сходные автобиографические черты с Достоевским:

Я не обижаюсь, я человек робкий; но, однако же, вот меня и сумасшедшим сделали. Списал с меня живописец портрет из случайности: «Все-таки ты, говорит, литератор». Я дался, он и выставил. Читаю: «Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо». Оно пусть, но ведь как же, однако, так прямо в печати? В печати надо все благодарное; идеалов надо, а тут... [Там же, с. 41, 42].

В комментариях к публикации рассказа «Бобок» приведены биографические параллели героя рассказа и Достоевского [Там же, с. 402, 403].

Безымянный рассказчик, имеющий общие с Достоевским эпизоды в биографии, в какой-то момент чувствует нечто необычное:

Со мной что-то странное происходит. И характер меняется, и голова болит. Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи. Не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: «Бобок, бобок, бобок!» [Там же, с. 43].

В мировой культурной традиции бобы связаны с душами умерших и с надеждой на возрождение жизни: «Бобы, фасоль – стручковые растения и ритуальная пища в поминальной и календарной

обрядности (у южных славян более распространена фасоль)... Сербь в поминальные дни бросали бобы “душам”, чтобы, накормив их, отогнать от жилища, что связано с древними индоевропейскими представлениями о бобах и фасоли как о пище мертвых. В Закарпатье записан рассказ о ночном посещении детей мертвыми родителями, которые варят бобы и фасоль; в горных районах Польши горшок с бобами ставят в гроб умершему (ср. кашуб, “грызть боб” – умереть); болгары клали бобовое зерно в рот покойнику, чтобы он не превратился в вампира» [Плотникова, с. 47]. Слово, звучащее в голове у повествователя, связано с фольклорными представлениями о мире мертвых. Не понимая его значения, он решает развлечься, чтобы избавиться от галлюцинаций. Но предназначенного не избежать, и рассказчик вместо развлечений попадает на похороны дальнего родственника, описывая которые, он с иронией обыгрывает значение слова «дух»: «Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом» [Достоевский, с. 43].

Задержавшись на кладбище, он прилег на некий камень, похожий на гроб, и до него стали доноситься голоса из захоронений. О чем шла беседа? Покойники комментировали игру в преферанс! Среди пустых разговоров лишь слова лавочника о мытарствах души соответствуют ситуации, в которой они находятся: «Матушка, Авдотья Игнатьевна, – возопил вдруг опять лавочник, – барынька ты моя, скажи ты мне, зла не помня, что ж я, по мытарствам это хожу, али что иное деется?» [Там же, с. 46]. Однако барыня не настроена на эсхатологический дискурс и упрекает его в нестерпимом духе. На что лавочник вновь апеллирует к традиции: «Ох-хо-хо-хо! Хоша бы сороковинки наши скорее пристигли: слезные гласы их над собою услышу, супруги вопль и детей тихий плач!» [Там же]. Но барыня скептически относится к поминальному обряду: «Ну, вот об чем плачет: нажрутся кутьи и уедут» [Там же]. Генерал, приветствуя «новенького», использует эсхатологическую метафору: «Милости просим в нашу, так сказать, долину Иосафатову» [Там же, с. 47]. В Библии Иосафатова долина упоминается в Книге пророка Иоили (3 : 2–12) и считается местом, на котором будет вершиться Страшный суд. Однако высокий стиль генерала звучит диссонансом по отношению к разговорам его соседей по кладбищу, никто не задумывается об инобытии – покойники язвительно обсуждают врачей и цены на их услуги. Рассказчик возмущен подобным неразумным поведением «современных мертвецов». А далее барыня Авдотья Михайловна и вовсе объясняется в любви к новичку. События развиваются стремительно, просыпаются все новые мертвецы, и начинается такая «катавасия», что рассказчик не в состоянии удержать в памяти происходящее. Как и при жизни, ожившие предаются разным грехам, из которых чинопоклонничество является самым мелким, при этом они сами обличают себя. Особенно преуспевает в этом барон Клиневич:

Я с Зифелем-жидом на пятьдесят тысяч прошлого года фальшивых бумажек провел, да на него и донес, а деньги все с собой Юлька Charpentier de Lusignan увезла в Бордо. И, представьте, я уже совсем был помолвлен – Щевалевская, трех месяцев до шестнадцати недоставало, еще в институте, за ней тысяч девяносто дают. Авдотья Игнатьевна, помните, как вы меня лет пятнадцать назад, когда я еще был четырнадцатилетним пажом, развратили? [Достоевский, с. 49].

Исходящий от него дурной запах является материализацией метафоры, характеризующей его грешную душу.

Однако каяться в грехах, как это положено по православной традиции, они и не думают, напротив, они намерены грешить с еще большим ожесточением. Клиневич готов расцеловать тайного советника Тарасевича, ограбившего вдов и сирот:

Я вас, милый старец, просто расцеловать хочу, да, слава богу, не могу. Знаете вы, господа, что этот grand-père сочинил? Он третьего дня аль четвертого помер и, можете себе представить, целых четыреста тысяч казенного недочету оставил? Сумма на вдов и сирот, и он один почему-то хозяйничал, так что его под конец лет восемь не ревизовали. Воображаю, какие там у всех теперь длинные лица и чем они его поминают? Не правда ли, сладострастная мысль! Я весь последний год удивлялся, как у такого семидесятилетнего старикашки, подагрика и хирагрика, уцелело еще столько сил на разврат, и – и вот теперь и разгадка! Эти вдовы и сироты – да одна уже мысль о них должна была раскалять его [Там же, с. 50].

Старик отнюдь не раскаивается в содеянном, напротив, он уверен, что возмездие не последует, и готов пуститься в разврат, мечтая о 15-летней «блондиночке», поддержанный Клиневичем. Однако невероятность происходящего заставляет и его задуматься о странности происходящего:

Скажите, во-первых (я еще со вчерашнего дня удивляюсь), каким это образом мы здесь говорим? Ведь мы умерли, а между тем говорим; как будто и движемся, а между тем и не говорим, и не движемся? Что за фокусы? [Там же, с. 51].

Однако его вопрос риторический, ответа на него он не ищет.

Надворный советник Лебезятников, опираясь на мнение доморощенного философа Платона Николаевича, объясняет сложившуюся ситуацию ошибочным пониманием природы смерти на земле. То, что, по его объяснению, происходит с покойником на самом деле, соотносится с теорией Сведенборга:

...Наверху, когда еще мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тело здесь еще раз как будто оживает, остатки жизни сосредоточиваются, но только в сознании. Это – не умею вам выразить – продолжается жизнь как бы по инерции. Все сосредоточено, по мнению его,

где-то в сознании и продолжается еще месяца два или три... иногда даже полгода... Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он все еще вдруг пробормочет одно словцо, конечно бессмысленное, про какой-то бобок: «Бобок, бобок», – но и в нем, значит, жизнь все еще теплится незаметною искрой... [Достоевский, с. 51].

Называя теорию философа «мистическим бредом», Лебезятников, тем не менее, именно с ее помощью объясняет вонь, идущую от подобных душ:

Ну уж тут наш философ пустился в туман. Он именно про обоняние заметил, что тут вонь слышится, так сказать, нравственная – хе-хе! Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца успеть спохватиться... и что это, так сказать, последнее милосердие... Только мне кажется, барон, все это уже мистический бред, весьма извинительный в его положении... [Там же, с. 51].

Данный тезис является ключевым в рассказе – нравственная вонь слышится от души, которой было оказано последнее милосердие для того, чтобы она успела осмыслить прожитую жизнь перед переходом в иное бытие и раскаянием искупить грехи, но она им не воспользовалась!

Клиневич не намерен вдаваться в теософские тонкости эсхатологии, он собирается провести отпущенное ему время в гедонистических удовольствиях и предлагает «ничего не стыдиться». Его идея вызывает горячее одобрение покойников, и он предлагает им освободиться от пут нравственности и совести, так досаждавших на земле, и рассказывать о себе «постыдную правду», «заголиться и обнажиться». Его поддерживают все, кроме генерала, подвергнутого всеобщему осмеянию, за которым следуют «неистовый рев, бунт и гам». При этом высмеивается не только генерал, но и важный эсхатологический постулат о равенстве всех сословий перед смертью. Лишь простолудин ведет себя подобающе ситуации, вновь помянув о хождении «души по мытарствам».

Однако скорбная нота прерывается тем, что рассказчик «внезапно и ненамеренно» чихает, что вызывает поразительный эффект – на кладбище наступает «могильная тишина». Повествователь понимает, что живому не дано понять тайны мертвых, и подозревает, что им известно нечто, что они «тщательно скрывают от всякого смертного». Однако он понимает безрассудность поведения покойников, получивших отсрочку неизбежного суда:

Разврат в таком месте, разврат последних упований, разврат дряблых и гниющих трупов и – даже не щадя последних мгновений сознания! Им даны, подарены эти мгновения и... А главное, главное, в таком месте! [Там же, с. 54].

Познав тайны иного мира, рассказчик справедливо надеется на интерес к ним редактора «Гражданина», то есть самого Достоевского, и полагает, что он напечатает его рассказ.

Спустя столетие в 1969 г. выходит первое издание романа американского писателя Филипа К. Дика «Убик», в котором, как и в рассказе Достоевского, описано пребывание умерших в состоянии так называемой «полужизни», дарованной им до конечного перевоплощения души. В Швейцарии и Североамериканской Конфедерации в 1992 г. имеются моратории, в которых в среднем до полугода и более хранятся тела умерших. С помощью технических устройств они могут общаться не только между собой, но и с навещающими их живыми людьми. Герой романа глава корпорации Глен Рансайтер в сложных ситуациях покидает нью-йоркское отделение бюро и едет в Швейцарию советоваться с женой Эллой, умершей в 20-летнем возрасте и пребывающей в состоянии полужизни в «Моратории возлюбленных собратьев». Люди по-прежнему чтят поминальные традиции: “Resurrection Day – the holiday on which the half-lifers were publicly honored – lay just around the corner; the rush would soon be beginning... It was a profitable business, operating a moratorium» [Dick, p. 2, 3]¹. Подобно Достоевскому, Дик саркастически подчеркивает материализацию идеологемы инобытия. Техническое оборудование моратория позволяет не только общаться с умершими, но и следить за тем, сколько полужизни осталось у его клиентов, числящихся в квитанциях под отдельными номерами:

Upright in her transparent casket, encased in an effluvium of icy mist, Ella Runciter lay with her eyes shut, her hands lifted permanently toward her impassive face. It had been three years since he had seen Ella, and of course she had not changed. She never would, now, at least not in the outward physical way. But with each resuscitation into active half-life, into a return of cerebral activity, however short, Ella died somewhat. The remaining time left to her pulse-phased out and ebbed [Ibid., p. 6]².

Рансайтер по-прежнему любит свою жену, и его пугает мысль, что отведенное ей в полужизни время на исходе. Он задается вопросом, чем это лучше старого доброго исхода? Рансайтер пытается представить ее состояние, но это недоступно живым, он «не мог постичь его сути».

Опасаясь исчерпать возможности пребывания тела в полужизни, Рансайтер старается общаться с женой как можно реже. На ее вопрос, сколько времени они не виделись, он отвечает, что прошло уже два года. Их коммуникацию нельзя назвать успешной – Рансайтер спрашивает у жены совета по новой стратегии корпорации:

¹ «Приближался День воскрешения – праздник полуживущих – и следовало ожидать скорого наплыва посетителей... Это был неплохой бизнес – содержать мораториум» [Дик, с. 21, 23].

² «Элла Рансайтер лежала, вытянувшись, в своем прозрачном заиндевевшем гробу. Глаза ее были закрыты, а руки, недонесенные до лица, замерли раз и навсегда. Три года прошло с тех пор, когда он видел ее в последний раз... Конечно, она не изменилась – и никогда уже не изменится. По крайней мере, внешне. Но каждое возвращение к полужизни, каждая активация приближали ее к окончательной смерти» [Дик, с. 29].

“Aw, Christ,” he said, “everything’s going to pieces, the whole organization. That’s why I’m here; you wanted to be brought into major policy-planning decisions, and god knows we need that now, a new policy, or anyhow a revamping of our scout structure” [Dick, p. 6]³.

Употребление фразеологизма «видит Бог» лишь подчеркивает суетность того, чем озабочен Рансайтер в последние моменты полужизни Эллы, видящей сны, предвещающие переход на новый уровень загробного существования:

“I was dreaming,” Ella said. “I saw a smoky red light, a horrible light. And yet I kept moving toward it. I couldn’t stop” [Ibid., p. 7]⁴. Он понимает неизбежность ее ухода: «“Yeah,” Runciter said, nodding. “The Bardo Thodol, the Tibetan Book of the Dead, tells about that. You remember reading that; the doctors made you read it when you were” He hesitated. “Dying,” he said then. “The smoky red light is bad, isn’t” [Ibid.]⁵.

Действительно, танатологический дискурс романа построен на тексте священной книги Тибета «Бардо Тодоль» («Освобождение через постижение в бардо»). Бардо – это временное состояние, согласно буддийскому учению о непрерывной цепи перерождений, промежутков между смертью и новым рождением, который длится сорок девять дней» [Никулин, с. 112]. Исследователи этого древнего текста подчеркивают его популярность, распространившуюся далеко за пределы Тибета: «За “Бардо Тодоль” в западной традиции с легкой руки первого ее европейского публикатора В. Й. Эванса-Вэнца закрепилось и вошло в массовое сознание, несомненно, по аналогии с древнеегипетской “Книгой мертвых”, это броское название “Тибетская книга мертвых” или просто “Книга мертвых”, которое, конечно же, способствовало ее популярности, широкому интересу к ней в Европе, Америке, а в последнее время и в России» [Там же, с. 113]. Интересно, что «Книга мертвых» возникла приблизительно в то же время, что и «Житие Василия Нового», и, как и оно для православных, стала эсхатологическим пособием для религиозной практики индийских и тибетских буддистов: «Священная книга тибетцев “Бардо Тодоль”, как полагают, возникла очень рано, в конце первого тысячелетия новой эры, еще когда жил Падмасамбхава или вскоре после его кончины... Обряды и идеи священной книги “Бардо Тодоль” вош-

³ «Боже мой, – сказал он, – все разваливается. Вся организация. Потому я и здесь: ведь ты сама хотела участвовать в планировании перспективной политики Ассоциации... и – Господь свидетель – нам позарез нужна именно новая политика или, по крайней мере, создание новой системы разведки» [Дик, с. 32].

⁴ «Мне снилось... – сказала Элла. – Я видела клубящийся красный свет. Это было ужасно. И все-таки я шла к нему. Я не могла остановиться» [Дик, с. 32].

⁵ «Да, – сказал Рансайтер. – “Бардо Тходол”, “Тибетская книга мертвых”... Ты помнишь ее? Доктора рекомендовали тебе перечитать ее, когда ты... – он запнулся, потом продолжил: – Когда ты умирала» [Дик, с. 32].

ли в широкое бытование и религиозную практику, ее не только читали над усопшими. Ее изучали задолго до смерти, чтобы приготовить себя к ней» [Никулин, с. 114].

Красный свет, неоднократно упомянутый на страницах романа, связан с одним из переходных к сансаре состояний: «В описаниях света в “Бардо Тодоль” достигается высокая поэтичность, яркая выразительность при всей относительной лаконичности этих описаний... Из сердца Амиабхи переливающиеся яркие красные лучи-дорожки пронизательной мудрости, на которых блистают шары, словно перевернутые коралловые чаши, сверкающие блеском мудрости, необычайно светлой и ослепительной, каждый из коих украшен пятью другими такими же окружающими его шарами, лучи-дорожки, никогда не сдвигающиеся с середины и с краев, изукрашенные шарами и малыми шарами, – явятся и засияют...» [Там же, с. 127, 128].

У нас нет прямых свидетельств об отзывах Ф. Дика о «Книге мертвых», но К. Юнг, оказавший влияние на философию американского писателя идеями об индивидуальном и коллективном подсознательном, опирался в своей философии на образы и идеи этого трактата: «К. Г. Юнг, признаваясь, что “Тибетская книга мертвых” была длительное время его настольной книгой, использовал ее для доказательства своих философских идей. Он находил в психике человека наряду с индивидуальным бессознательным также коллективное бессознательное, т. е. отражение представлений и опыта прежних поколений...» [Там же, с. 133]. Интересы Юнга были близки Дикю: «I was interested in Jung's idea of projection – what we experience as external to us may really be projected from our unconscious...» [Platt, p. 86]⁶. Элла действительно видит нечто, описанное в тибетской книге:

Gravity, she had told him, once; it begins not to affect you and you float, more and more. When half-life is over, she had said, I think you float out of the System, out into the stars. But she did not know either; she only wondered and conjectured [Dick, p. 6]⁷.

Позже в подобную полужизнь после смерти попадут и другие герои романа, убитые во время миссии на Луну и погруженные в саркофаги моратория. Они долго не могут осознать свое положение, полагая, что именно глава корпорации Ранайтер погружен в полужизнь и нуждается в помощи. Однако в действительности именно он общается со своими сотрудниками, оплатив их пребывание в «Моратории возлюбленных братьев». Чем же заняты мысли людей, погруженных в состояние полужизни? Исключительно земными материальными

⁶ «Я всерьез заинтересовался идеей Юнга о проекции: согласно Юнгу, ощущения, которые приходят к нам извне, на самом деле проецируются из нашего бессознательного...» [Плэтт, с. 294].

⁷ «Тяжесть, сказала она однажды. Тяжесть постепенно исчезает, и ты паришь, паришь... а когда полужизнь прекращается, ты покидаешь Систему и летишь прямо к звездам. Впрочем, точно она этого не знала, а лишь предполагала» [Дик, с. 31].

ми интересами. Главный герой романа Джо Чип пытается достойно вести себя в интересах Корпорации, которую он должен возглавить после предполагаемой смерти Рансайтера:

This is an unnatural place, he thought. Halfway between the world and death. I am head of Runciter Associates now, he realized, except for Ella, who isn't alive and can only speak if I visit this place and have her revived. I know the specifications in Glen Runciter's will, which now have automatically gone into effect; I'm supposed to take over until Ella, or Ella and he if he can be revived, decide on someone to replace him [Dick, p. 44]⁸.

Торжественные библейские цитаты, соответствующие переживаемому моменту, доходят до слуха героя, но они не способны заставить его задуматься о вечном и попытаться понять суть переживаемого:

He noticed then that subtle background music hung over the lounge. It had been there all this time. The same as on the chopper. "Dies irae, dies illa", the voices sang darkly. "Solvet saeculum in favilla, teste David cum Sybilla". The Verdi Requiem, he realized... "Tuba mirum spargens sonum", the voices sang. "Per sepulchra regionum coget omnes ante thronum" [Ibid., p. 46, 47]⁹.

Однако даже странные события, определяющие обратный ход времени для людей, мнящих себя пребывающими в настоящей жизни, не могут заставить их мыслить о вечном – они постоянно пытаются установить контакт с Рансайтером. Лишь иногда их мучают догадки о том, что происходит что-то страшное, но эти догадки приходят на уровне подсознания. Эл Хэммонд, не сумевший адаптироваться к полужизни, предчувствуя свой скорый уход в инобытие, задумывается о величии души, включающей в себя целый мир:

In its dire, obscure way it seemed to him potentially the most deadly change since Runciter's death... Now he became aware of an insidious, seeping, cooling-off which at some earlier and unremembered time had begun to explore him – investigating him as well as the world around him. It reminded him of their final minutes on Luna. The chill debased the surfaces of objects; it warped, expanded, showed itself as bulblike swellings that sighed audibly and popped... But, he thought, this is projection on my part. It isn't the universe which is being entombed by layers of wind, cold, darkness and

⁸ «Если разобраться, думал он, это совершенно противоестественное место. Нейтральная полоса между жизнью и смертью. Если не считать Эллы, перескочил он на другое, то я действительно сейчас глава Ассоциации. И буду им оставаться, пока Эллы или Рансайтер не назовут того, кто займет этот пост на постоянной основе» [Дик, с. 127].

⁹ «Он вдруг заметил, что звучит тихая музыка. Та же, что на борту трансформера. "День гнева, день страдания, – мрачно выводили голоса, – мир обращается в пепел, как предрекала Сивилла..." Реквием Верди... "Грянут трубы, и мертвые встанут, чтобы предстать пред троном Всевышнего..." – выводил хор» [Дик, с. 132, 134].

ice; all this is going on within me, and yet I seem to see it outside. Strange, he thought. Is the whole world inside me? Engulfed by my body?¹⁰ [Dick, p. 60].

Дойдя до этого философского заключения, Эл, тем не менее, не делает выводов, не задумывается о смысле существования, не задается вопросом о том, для чего он пришел в этот мир. Он справедливо понимает, что его ждет скорая смерть. Но и в смертный час мы не видим даже намека на борьбу добрых и злых сил за душу умирающего, описанную в западноевропейских книгах *Ars Moriendi*:

It must be a manifestation of dying, he said to himself. The uncertainty which I feel, the slowing down into entropy – that's the process, and the ice which I see is the result of the success of the process. When I blink out, he thought, the whole universe will disappear [Ibid., p. 60, 61]¹¹.

Мысль о гибели души, вмещающей целую вселенную, приводит героя в ужас, но он даже не пытается рассмотреть нравственные итоги прожитого и задуматься о грядущем воздаянии или, напротив, возмездии, как это было принято в средневековой культурной традиции. Очевидно, что Эла Хэммонда, как и Эллу Рансайтера, ждет переход в инобытие, описанное в «Тибетской книге мертвых»:

But what about the various lights which I should see, the entrances to new wombs? Where in particular is the red smoky light of fornicating couples? And the dull dark light signifying animal greed? [Ibid., p. 61]¹².

Он, не догадываясь об истинном положении, физически адекватно ощущает то, что с ним происходит:

All I can make out, he thought, is encroaching darkness and utter loss of heat, a plain which is cooling off, abandoned by its sun. This can't be normal death, he said to himself. This is unnatural; the regular momentum of dissolution

¹⁰ «Каким-то неясным, шестым, десятым чувством он ощутил, что это самая катастрофическая, самая смертельная перемена из всех, что происходили с ним и вокруг него с момента смерти Рансайтера... И пришел холод – тот холод, что прикоснулся к нему в последние минуты пребывания на Луне и не оставял с тех пор, постоянно напоминая о себе. Холод искажал очертания предметов, заставляя их поверхности вздуться пузырями и лопаться... Но ведь это все разыгралось только в моем воображении, подумал Эл. Вселенная вовсе не погребена подо льдом, темнотой, ветром и холодом, все это только мнится мне, мерещится... Странно, подумал он, неужели во мне действительно заключен целый мир? Мир, ограниченный моей телесной оболочкой?» [Дик, с. 166, 167].

¹¹ «Наверное, это признаки умирания, – подумалось ему. – Вялость, скольжение в энтропию – это и есть начало умирания, и лед я вижу поэтому же, лед – лишь проявление этого процесса. С моей смертью погибнет целая вселенная – с ужасом понял он» [Дик, с. 167].

¹² «Но где же те миры, которые я должен пройти на пути к новому рождению? Где, в частности, туманный красный свет, символизирующий животную страсть?» [Дик, с. 167].

has been replaced by another factor imposed upon it, a pressure arbitrary and forced [Dick, p. 61]¹³.

Дошедшее до героев в граффити послание Рансайтера «Вы убиты, я живой» заставляет их задуматься о своем существовании и заподозрить правду, заключающуюся в том, что они находятся в полужизни, где их, а не Рансайтера убило взрывом, а он пытается связаться с ними, стараясь уловить их поток протофазонов. Однако в голове у Джо объективная информация деформируется и искажается. Он слышит выпуск новостей, в котором говорится о смерти Рансайтера от бомбы террористов, взорвавшейся на Луне, и о приглашении на его гражданскую панихиду, так как попытки погрузить его в состояние полужизни в «Мораториуме возлюбленных братьев» не удались. Джо, не понимая, что в действительности именно он лежит замороженным в полужизни, получает реальные ощущения от манипуляций, совершаемых с его мозгом: он видит, как без подключения питания начинается светиться экран телевизора, переключаются каналы, и появляется лицо Рансайтера, предлагающего ему Убик – универсальное средство, замедляющее распад тела.

Что же такое Убик? Это некая вездесущая субстанция («Ubiquity, he realized all at once; that's the derivation of the made-up word» [Ibid., p. 67]¹⁴), созданная в 90-е гг. XX в. для продления состояния полужизни обитателей моратория. Этот чудодейственный аппарат, позволяющий формировать сознание и сохранять тело в полужизни, занял во вселенной живых и полуживых место Бога, о смерти которого Ф. Ницше объявил столетие назад. Можно сказать, что вездесущий Убик, помогающий «во всех сферах материальной жизни», явился метафорическим продолжением символического образа Ваала, поклонение которому Ф. М. Достоевский наблюдал во время своего первого заграничного путешествия по Западной Европе.

Попытки осознать собственное положение заставляют Джо Чипа задуматься о душе:

But this old theory – didn't Plato think that something survived the decline, something inner not able to decay? The ancient dualism: body separated from soul. The body ending as Wendy did, and the soul – out of its nest the bird, flown elsewhere. Maybe so, he thought. To be reborn again, as the Tibetan Book of the Dead says. It really is true [Ibid., p. 68]¹⁵.

¹³ «Все, что я вижу – это вымороженная равнина и подступающая со всех сторон темнота... Это не просто смерть, – сказал он себе. – Это что-то искусственное, навязанное: вместо распада, растворения – раздавливание, решительное и бесповоротное» [Дик, с. 167].

¹⁴ «"Убик" – это от слова "ubiquity", то есть "вездесущность"» [Дик, с. 181].

¹⁵ «Но по этой старой теории: разве Платон не считал, что есть что-то, что может пережить распад, что-то внутреннее и вечное? Издревле было так: душа и тело. Тело Венди перестало существовать, а душа вспорхнула как птица и улетела... может быть – чтобы родиться заново. Так говорит "Книга мертвых", и это действительно так» [Дик, с. 184].

Инобытийное состояние души, как и Элла, супруга Рансайтера, он представляет по образам, описанным в «Тибетской книге мертвых». Надежда на новое рождение навеивает на Чипа сентиментальные мысли:

Christ, I hope so. Because in that case we all can meet again. In, as in Winnie-the-Pooh, another part of the forest, where a boy and his bear will always be playing... a category, he thought, imperishable. Like all of us. We will all wind up with Pooh, in a clearer, more durable new place [Ibid., p. 68]¹⁶.

Коллеги, погибшие одновременно с Чипом и погруженные, как и он, в полужизнь, видят «убиковые сны» и признают в Убике высшую силу:

"Francy will now tell you her Ubik dream, as she calls it. She had it last night." "I call it that because that's what it is," Francesca Spanish said fiercely; she clasped her hands together in a spasm of excited agitation. "Listen, Mr. Chip, it wasn't like any dream I've ever had before. A great hand came down from the sky, like the arm and hand of God. Enormous, the size of a mountain. And I knew at the time how important it was; the hand was closed, made into a rocklike fist, and I knew it contained something of value so great that my life and the lives of everyone else on Earth depended on it" [Ibid., p. 79]¹⁷.

Даже в состоянии полужизни герои не способны задуматься о смерти и подвести жизненные итоги, они не ждут ни воздаяния за добрые дела, ни наказания за грехи: «"Oh, you can die," Pat said. "You're not dead; not you, in particular, I mean. But you are dying off one by one. But why talk about it? Why bring it up again?" » [Ibid., p. 90]¹⁸.

Чем глубже Джо Чип погружается в полужизнь, тем сильнее он чувствует физические мучения, утверждая, что в аду не пекло, а стужа, превращающая все в лед. Он чувствует, как его покидает тепло, которое никогда не вернется, если он не пройдет через новое рождение. Его мысли свидетельствуют о знакомстве с теорией перерождения, описанной в «Тибетской книге мертвых». Рансайтер описывает реальное положение Чипа, который, как и его погибшие при взрыве коллеги, лежит в холодильнике «Мораториума возлюбленных

¹⁶ «Боже, как я надеюсь на это... Потому что в этом случае мы, может быть, встретимся вновь. В Зачарованном Месте на вершине Холма в Лесу, где маленький мальчик будет всегда-всегда играть со своим медвежонком... Так в "Винни-Пухе", так и у нас – это неизменно. И все мы, каждый со своим Пухом, обнаружим себя в новом чистом устойчивом мире...» [Дик, с. 184].

¹⁷ «Я так назвала его, потому что это на самом деле был убиковый сон, – сказала Фрэнси... Понимаете, мистер Чип, этот сон отличался от всех, что были прежде. Огромная рука опустилась с неба – словно рука Господа нашего. Неимоверная, как гора. Сжатая в кулак, подобный скале. Я поняла, что в этом таится наиважнейший смысл, что там, в кулаке, находится что-то такое, что повлияет на мою жизнь и на жизнь всех людей на Земле» [Дик, с. 209].

¹⁸ «Да, вам предстоит полная смерть, – сказала Пат. – Вы еще живы – хотя тебя это уже не касается. Но умрут все. Только зачем нам говорить об этом? Снова напрягаться, думать?» [Дик, с. 236].

собратьев», угасая в полужизни, а Рансайтер пытается его спасти с помощью всемогущего Убика. Элла Рансайтер, находясь, как и Джо, в полужизни, вручает ему документ фирмы, выпускающей Убик, гарантирующий пожизненные бесплатные поставки. Узнав жену шефа, Джо пытается осознать сходство их участи:

“You’re here with us,” Joe said. “On this side; you’re in cold-pac.” “As you well know. I have been for some time,” Ella Runciter said. “Fairly soon I’ll be reborn into another womb, I think. At least, Glen says so. I keep dreaming about a smoky red light, and that’s bad; that’s not a morally proper womb to be born into” [Dick, p. 105]¹⁹.

Опираясь на данные «Тибетской книги мертвых», в ожидании своего перерождения Элла в последний момент пребывания в полужизни заботится исключительно о необходимости найти себе замену для процветания фирмы мужа. Заменить ее в качестве советника Рансайтера должен Джо, которому провизор вручает распылитель Убик, изобретенный «полуживущими», «у которых душа болит за всех», среди которых была и Элла, ушедшая из полужизни:

Opening the door, the pharmacist said, “Come on, Mr. Chip. Time to go home. She was wrong, wasn’t she? And you won’t see her again, because she’s so far on the road to being reborn; she’s not thinking about you any more, or me or Runciter. What Ella sees now are various lights: red and dingy, then maybe bright orange” [Ibid., p. 107]²⁰.

Рукотворный Убик преодолевает границы материального мира и объявляет себя аналогом творца, создавшего миры:

I am Ubik. Before the universe was, I am. I made the suns. I made the worlds. I created the lives and the places they inhabit; I move them here, I put them there. They go as I say, they do as I tell them. I am the word and my name is never spoken, the name which no one knows. I am called Ubik, but that is not my name. I am. I shall always be [Ibid.]²¹.

¹⁹ «Вы здесь, – сказал Джо. – Ну да, вы же здесь. По эту сторону... – И довольно давно, как вы знаете... Похоже, скоро мне предстоит новое рождение – так, по крайней мере, считает Глен. Я все время вижу во сне клубящийся красный свет, а это скверно» [Дик, с. 272].

²⁰ «Все, мистер Чип, – сказал провизор, распахивая дверь. – Пора по домам. Она допустила ошибку, как видите. И саму ее вы больше не встретите, слишком далеко она ушла по пути к своему новому рождению. Она и не вспоминает о нас – ни о вас, ни о Рансайтере, ни обо мне. Ей видится свет: может быть, грязно-красный, а может быть, ярко-оранжевый» [Дик, с. 278].

²¹ «Я – Убик. Я был до того, как возникла Вселенная. Я создал солнца. Я создал миры. Я создал живые существа и расселил их там, где они обитают. Они идут туда, куда я говорю, и делают то, что я велю. Я – слово, и никто не знает моего подлинного имени. Оно никогда не будет произнесено. Я называл себя Убиком, но это не имя. Я – есть. Я буду во веки веков» [Дик, с. 286].

Анализируя его монолог, английский исследователь Эндрю Мак Батлер отметил поразительное сходство с началом Евангелия: «По Евангелию от Иоанна (Ин 1 : 1–5): “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его” [Иоанн Евангелист, с. 1127]» [Butler, p. 151].

Если в рассказе Ф. Достоевского содержится призыв к читателям задуматься о тайнах инобытия и представлена сатира на гедонистическое настроение подземных обитателей кладбища, то герои романа Ф. Дика занимаются в полужизни ровно тем же, чем они занимались и при жизни, – их интересует только материальное положение в социуме. Стараясь улучшить свое состояние, они создают вещество, полезное для поддержания полужизни. Стремясь заполнить духовный вакуум жильцов мораториев, эта вездесущая материальная субстанция начинает мнить себя творцом всего – «Убиком всемогущим». Если высказывание Ницше о смерти Бога является метафорой постмодернистской философии, то образ Убика становится своеобразным символом всеобщей материализации общества, против которой восставали как Ф. М. Достоевский, так и Ф. Дик, писавший, что он «actually sought refuge in Christianity»²². В интервью, данном Ч. Плэтту в мае 1979 г., Филип Дик поведал о том, как у него родился интерес к проблемам трансцендентного мира и инобытия, который мы наблюдаем в его произведениях: «...я наконец почувствовал, что научная фантастика – это действительно очень серьезно. Взять хотя бы Мир не по Аристотелю [The World of Null-A] Ван-Вогта – в этой книге было нечто такое, что буквально очаровало меня. Этот роман содержал в себе некую тайну, он намекал на какие-то скрытые вещи, там была масса загадок, которые просто не имели адекватного объяснения. Я обнаружил в нем некую божественность; я начал приходить к мысли, что у Вселенной имеется какое-то таинственное свойство, которое может быть понято и объяснено лишь при помощи научной фантастики. То, что я чувствовал тогда, было просто определенным свойством метафизического мира, невидимой областью полускрытых вещей, тем, что люди Средневековья ощущали как трансцендентный, иной мир» [Плэтт, с. 293].

Список литературы

Бедина Н. Н. Эсхатологический хронотоп средневековой русской культуры в служебных и повествовательных книжных текстах : дис. ... докт. культурологии. Архангельск : [Б. и.], 2020. 335 с.

Дергачева И. В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М. : Круть, 2004. 352 с.

Дергачева И. В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М. : Круть, 2011. 404 с.

Дик Ф. К. Убик / пер. с англ. А. Лазарчука. СПб. : Terra fantastica, 1992. 314 с.

²² «начал искать убежища в христианстве» [Дик, с. 306].

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1980. Т. 21. Дневник писателя, 1873. Статьи и заметки, 1873–1878. 552 с.

Иоанн Евангелист. От Иоанна Святое Благовествование // Библия : Книги Священного Писания. М. : Изд-во Моск. патриархии, 1983. С. 1127–1160.

Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. 896 с.

Никулин Н. И. «Бордо Тодоль» как памятник буддийской литературы // Буддизм и литература. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 112–136.

Плотникова А. А. Бобы, фасоль и горох в символике рождения и смерти // Кодовы словенских культура. Кн. 1. Београд : Clío, 1996. С. 47–55.

Плэтт Ч. Филип К. Дик / пер. А. Черткова. Приложение // Дик Ф. К. Убик / пер. с англ. А. Лазарчука. СПб. : Terra fantastica, 1992. С. 288–315.

Сведенборг Э. О Небесах, о мире духов и об аде. Лейпциг : Франц. Вагнер : Тип. Бера и Германа, 1863. XLII, [2], 530 с.

Тихомиров Б. Н. Достоевский и трактат Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» // Неизвестный Достоевский. 2016. № 3. С. 92–127. DOI 10.15393/j10.art.2016.2801.

Butler A. M. Ontology and Ethics in the Writings of Philip K Dick : Thesis submitted for the Degree of PhD. [S. l.] : Univ. of Hull, 1995. IX, 304 p.

Dick Ph. K. Ubik. 2016. 130 p. // PDF Drive : [website]. URL: <https://www.pdfdrive.com/ubik-e157096857.html> (accessed: 27.02.2020).

Platt Ch. Philip K. Dick // Dream Makers: The Uncommon People Who Write Science Fiction : Interviews by Ch. Platt. N. Y. : Berkley Books, 1980. 286 p.

References

Bedina, N. N. (2020). *Eskhatologicheskii khronotop srednevekovoi russkoi kul'tury v sluzhebnykh i povestvovatel'nykh knizhnykh tekstakh* [The Eschatological Chronotope of Medieval Russian Culture in Service and Narrative Book Texts]. Dis. ... dokt. kul'turologii. Arkhangel'sk, S. n. 335 p.

Butler, A. M. (1995). *Ontology and Ethics in the Writings of Philip K Dick*. Thesis Submitted for the Degree of PhD. S. l., Univ. of Hull. IX, 304 p.

Dergacheva, I. V. (2004). *Posmertnaya sud'ba i "inoi mir" v drevnerusskoi knizhnosti* [Posthumous Fate and the "Other World" in Ancient Russian Book Culture]. Moscow, Krug". 352 p.

Dergacheva, I. V. (2011). *Drevnerusskii Sinodik: issledovaniya i teksty* [Old Russian Sinodik: Research and Texts]. Moscow, Krug". 404 p.

Dick, P. K. (1992). *Ubik* [Ubik] / transl. by A. Lazarchuk. St Petersburg, Terra fantastica. 314 p.

Dick, P. K. (2016). *Ubik*. 130 p. In *PDF Drive* [website]. URL: <https://www.pdfdrive.com/ubik-e157096857.html> (accessed: 27.02.2020).

Dostoevsky, F. M. (1980). *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works. 30 Vols.]. Leningrad, Nauka. Vol. 21. Dnevnik pisatelya, 1873; Stat'i i zametki, 1873–1878. 552 p.

John the Evangelist. (1983). *От Иоанна Святое Благовествование* [The Holy Gospel of John]. In *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi patriarkhii, pp. 1127–1160.

Mil'kov, V. V. (1999). *Drevnerusskie apokryfy* [Old Russian Apocrypha]. St Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta. 896 p.

Nikulin, N. I. (2003). "Bordo Todol'" kak pamyatnik buddiiskoi literatury [Bardo Thodol as a Monument of Buddhist Literature]. In *Buddizm i literatura*. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN, pp. 112–136.

Platt, Ch. (1980). *Philip K. Dick. In Dream Makers: The Uncommon People Who Write Science Fiction. Interviews by Ch. Platt*. N. Y., Berkley Books. 286 p.

Platt, Ch. (1992). Philip K. Dick. Prilozhenie [Philip K. Dick. Appendix] / transl. by A. Chertkov. In Dick, Ph. K. *Ubik* / transl. by A. Lazarchuk. St Petersburg, Terra fantastica, pp. 288–315.

Plotnikova, A. A. (1996). Boby, fasol' i gorokh v simbolike rozhdeniya i smerti [Beans, Haricots, and Peas in the Symbolism of Birth and Death]. In *Kodovi slovenskikh kultura*. Book 1. Beograd, Clio, pp. 47–55.

Swedenborg, E. (1863). *O Nebesakh, o mire dukhov i ob ade* [Heaven and Hell]. Leipzig, Frants. Vagner, Tipografiya Bera i Germanna. XLII, [2], 530 p.

Tikhomirov, B. N. (2016). Dostoevskii i traktat E. Svedenborga “O nebesakh, o mire dukhov i ob ade” [Dostoevsky and E. Swedenborg’s *Heaven and Hell* Treatise]. In *Neizvestnyi Dostoevskii*. No. 3, pp. 92–127. DOI 10.15393/j10.art.2016.2801.

The article was submitted on 16.12.2020